

**В СЕРИИ
«ПОЛЫНЬ – СУХИЕ СЛЁЗЫ»
ВЫШЛИ КНИГИ:**

Разрыв — трава горькая
Сквозь печальные туманы
Волки смотрят в лес
Отворите мне темницу
Горюч камень Алатырь

СЕРИЯ «ГРЕШНЫЕ СЁСТРЫ»:

Цветы запоздалые
Гори, письмо любви
Судьбою рвется нить

Анастасия Туманова

РАЗРЫВ – ТРАВА ГОРЬКАЯ

T8 RUGRAM

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Т83

Туманова, А.

Т83 Разрыв — трава горькая / А. Туманова. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2020. — 390 с. — (Полюнь – сухие слёзы).

ISBN 978-5-521-92489-9

Грозное время накануне отмены крепостного права. У молодого штабс-капитана Никиты Закатова никогда не было семьи. Он не знал ни заботы, ни дружбы, давно привык к одиночеству. Юная цыганка Катька ураганом пронеслась через его жизнь, навсегда изменив ее, – и исчезла. Много лет Никита искал свою цыганку, мечтал о встрече, не замечая, что его счастье и любовь – совсем близко... А между тем в родовом поместье Никиты творятся чудовищные вещи. Крестьянам нет пощады от мучительницы-Упырихи. Страшная смерть ждут деревенскую знахарку Устинью. Спасая девушку, Устиньин жених решается на отчаянный шаг...

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)
ВІС FC
BISAC FIC000000

© Туманова А., 2020
© Т8 RUGRAM, оформление, 2020
© Т8 Издательские технологии, 2020

ISBN 978-5-521-92489-9

Пролог

Над Бельским уездом Смоленской губернии раскинулся душный предгрозово́й вечер лета 1830 года. Воздух был тяжёлым, густым. Столбики насекомых жужжали над клонящейся к земле рожью. Раскалённое солнце в дымном зареве падало за холмы. С востока, из-за леса, поднималась сизая туча.

Помещик Владимир Закатов, полковник в отставке, высокий седеющий человек сорока пяти лет с острым сухим лицом задумчиво мямлял в пальцах сорванный колосок. За ним внимательно наблюдал Прокоп Силин — крепкий мужик с умным и недоверчивым взглядом. Рядом, на дороге, виднелась телега, вяло хрумкала травой саврасая кобыла.

— Так, по-твоему, Прокоп, можно начинать? — сомневаясь, спрашивал Закатов. — У Браницких ещё не жали...

— По мне, так ещё на той неделе начинать надо было, — пожал могучими плечами Прокоп. — Браницкие пусть что хотят делают: у них запашки, не в обиду вам будь сказано, на двести десятин больше! Они и рожь упустят — не в убытке останутся. А мы?! Того гляди, ржица-то посыпется! Ещё и непогодь вон какая тащится... — Он озабоченно задрал к темнеющему небу бороду, сощурился. — А ну как градом

ударит, не дай бог? Пора, барин, как хочешь, — пора! Прямо вот завтра!

— Что ж, тогда, возможно... — Закатов не договорил: Силин вдруг резко повернулся всем телом к дороге, на которой ещё минуту назад не было ни души. Теперь же по ней кто-то отчаянно пылил босыми ногами. Полковник с Силиным переглянулись и, не сговариваясь, зашагали навстречу.

Облако пыли приблизилось, оглушительно чихнуло и оказалось потной, встрёпанной девкой с вытаращенными глазами. Увидев барина, она всплеснула руками и хрипло закричала, то и дело останавливаясь, чтобы перевести дыхание:

— Барин, ради бога... Ох... Аполлинарья Петровна... Охти, батюшки, не могу... Они... барыня наша, ой... У них, кажись, с утра-то началось! И худо... Ох, худо совсем... Вас по всем работам ищут! Ох, поспешайте за-ради Христа...

Острое лицо Закатова побледнело. Одним прыжком он оказался возле задыхающейся девки, несколько раз с силой, наотмашь, ударил её по лицу:

— Говори, мерзавка! Говори ясней, что с барыней?!

Девка взвыла и принялась отчаянно икать. Застонав сквозь зубы от бешенства, Закатов замахнулся было снова. Но в это время его с силой, без всякого почтения хлопнули по плечу.

— Барин, залазь в телегу! — раздался суровый окрик. — Даст бог, поспеем! Да брось дурищу эту, толку-то с неё...

Прокоп Силин уже сидел на передке телеги, торопливо разбирая вожжи. Опомнившийся Закатов по-молодому быстро вспрыгнул к нему. Прокоп завертел концом вожжей над головой, вытянул ими савраску, свистнул, и лошадь понесла.

Телега летела, гремя и прыгая на дорожных ухабах, поднимая тучи пыли и каждый миг грозя рассыпаться. Прокоп, стоя в ней во весь рост и широко расставив ноги, нахлёсты-

вал савраску. Закатов, едва удерживаясь на коленях на дне телеги, сбивчиво просил:

— Прокоп, милый, быстрее... Что же там могло случиться? Она же ещё с утра была спокойна, весела... Сама выгнала меня из дому на работы! Прокоп, да гони же ты, чёрт, скорее!

— Куда скорее, барин: лошадь падёт! — не оглядываясь, цедил Прокоп. — Молись, чтоб не перевернуться нам! Ну, милая, ну, не выдай! Пошла, пошла! Небось, Владимир Павлыч, доспеем! Даст бог, всё ладом будет!

— Прокоп, ради бога, погоняй!

— Еду, барин, еду... Вон уж Болотеево видно!

Телега в вихре пыли пронеслась по улице села, давя кур и поросят; дети с визгом выскакивали прямо из-под лошадиных копыт. Впереди уже показались белые столбики ворот усадьбы, и Прокоп, оскалившись и натянув вожжи, направил лошадь прямо на них. Саврасая с обезумевшими глазами ворвалась в усадьбу и у самых ступеней барского дома была немилосердно осажена. Телега с отчаянным скрипом накренилась, стала, просев на один бок. Закатов выпрыгнул из неё и взлетел по деревянным ступенькам крыльца.

В сенях полковника встретила компаньонка жены: молодая некрасивая женщина в коричневом платье, с бесцветными, убранными в гладкий узел волосами.

— Что с Полей, Амалия Казимировна? — задыхаясь, спросил Закатов.

— Я говорила, Владимир Павлович, что не надо вам нынче ехать на работы! — в ровном, чуть скрипучем голосе женщины явственно слышался польский акцент. — Мы сбились с ног в поисках вас. Вся дворня носится по полям! Вы даже не извоили сказать, куда направитесь...

— Что с Полей?! Она рожает?!

— Она родила три часа назад, — сухо сообщила компаньонка, и только сейчас Закатов почувствовал сладковатый запах крови в сениях. — И боюсь... что уже нужен священник. Видит бог, я сделала всё, что...

Не дослушав её, полковник кинулся в горницы.

Аполлинария Петровна лежала в душной, тёмной комнате, на высокой супружеской кровати, среди пропотевших перин. Она находилась в полузабытии, но, когда муж, упав на колени, прижал к губам её сухую, горячую руку, она, не открывая глаз, чуть слышно спросила:

— Владимир, это ты? Слава богу...

— Я... Конечно, я... — Закатов старался говорить спокойно, но голос его дрожал, срывался. — Поленька, что же это такое?... Почему ты ничего не сказала утром? Ты ведь чувствовала, знала? Поля, что мне делать, скажи! За доктором уже послано, я с тобой, бог нас не оставит... Боже, Поля, отчего столько крови?!

— Владимир, ради господа, заклиная тебя, — не оставь Аркашеньку! — едва шевельнулись обмётанные жаром губы умирающей. — Он умный, он способный мальчик... он понимает науки, он должен быть счастлив... он должен получить всё, всё... Я виновата, я не хотела пустить его от себя, а ему давно пора в корпус... Он сможет сделать блестящую военную карьеру, в нашем роду все мужчины... Покаянись мне... покаянись мне сейчас же на образе... Покаянись, что всё сделаешь для Аркашеньки, что он... Где он? Я хочу проститься...

— Аркадий, поди сюда... Поля, я клянусь, обещаю тебе! Перед Богом истинно клянусь... Он поступит в корпус, в военную академию... В гвардию! Ты можешь быть покойна, я сделаю всё... Ничего не пожалею, последнюю рубашку с себя продам... Поля, что с тобой?! Да что же это, господи?! Прокофьевна! Юшка! Амалия Казимировна, да поди-

те же сюда, помогите ей! — в отчаянии закричал Закатов, не смея отпустить руку жены, а старая нянька, давясь рыданиями, неловко тащила со стены облепленный паутиной образ. Двенадцатилетний Аркадий громко плакал, вцепившись в столбик кровати и не давая себя увести; в сенях набились дворовые. Амалия Казимировна, зло шипя, выталкивала их, громко молилась нянька, торопливо входил в горницу священник, — а тот, кто был причиной всего этого, лежал в дальней комнате совсем один, слабо попискивал в намокшей пелёнке, и никто о нём не вспоминал.

На дворе Прокоп Силин обтирал потные бока савраски. Когда из дома выбежала очередная девка, он поймал её за подол:

— Палашка, что там?

— Ко... кончилась барыня, кажись! — шёпотом выговорила Палашка. — Уж читают над ней.

— Ох ты, господи, ну вот... — Прокоп медленно перекрестился, похлопал ладонью по влажной, потемневшей шерсти своей кобылы. — Это ж надо... Стало быть, зря тебя запарили, милая. Ну, упокой господь. Жаль... добрая барыня была. — Он задрал голову к небу, нахмурился. — Ох, беда... Так как же жать-то теперь? Когда распорядятся-то?

Ответить ему было некому. Прокоп снова тяжело вздохнул и, потянув усталую савраску за узду, медленно пошёл со двора.

Глава 1

Полковник Закатов сдержал слово, данное покойнице. Человек увлекающийся и горячий, страстно любивший жену, которую, на смех всему уезду, взял бесприданницей из нищего рода польских дворян, он всю свою лихорадочную любовь перенёс на старшего сына. Поместье у Закатовых было небольшое: две сотни взрослых душ, сёла Болотеево и Рассохино, три чахлые деревеньки и довольно большой лес едва покрывали убытки. Крепостные работали на барщине три дня в неделю, и первое, что сделал полковник после смерти жены, — превратил эти три дня в четыре. Мужики взвыли. Несколько дней сёла и деревни гудели, но протестовать в открытую так никто и не решился: у вспыльчивого барина расправа была коротка. Затем Закатов продал деревню Требинку давно зарившемуся на неё соседу и на вырученные средства нанял для сына учителей. По возрасту Аркадию уже давно пора было поступать в кадетский корпус, и за оставшиеся полгода он должен был основательно подготовиться к экзаменам. Аркадий, которого до сих пор обучала наукам сама мать, вовсе не был обрадован подобным переменам в своей жизни, но возразить отцу ему и в голову не пришло.